Его дерзкий трофей

Мария Летова

18+

Мария Летова

Его дерзкий трофей

«Автор»

2023

Летова М.

Его дерзкий трофей / М. Летова — «Автор», 2023

Провинциальная студентка Диана едет в столицу, чтобы немного подзаработать, но неожиданно в её жизнь вламывается Егор Благов – красавец спортсмен, сердцеед и бабник, в которого она влюбилась раньше, чем поняла – он замечает всех женщин в радиусе сорока тысяч километров, кроме неё самой.#молодая, влюбленная, настоящая героиня

© Летова М., 2023
© Автор, 2023

Мария Летова
Его дерзкий трофей

Глава 1. Диана

Горячий воздух перрона забирается под юбку, пока качу чемодан к выходу с вокзала.

Москва встречает меня сумерками, но духота не отпускает даже в девять вечера.

Я крайне редко бываю в столице. У меня здесь, кроме двоюродной сестры, знакомых нет, а на стипендию не особо разгуляешься. Сестра ждет на парковке в красном «ауди». Цвет такой ядреный, что машину я заметила еще за двести метров.

Моя сестра – глубоко беременная нежная блондинка. Белые волосы собраны в косичку, которая аккуратной змейкой лежит на груди, в то время как моя свежевыкрашенная платиновая копна свободно болтается по ветру. Несколько лет назад она вышла замуж за «богатого папика», так поговаривают в нашей семье. Я сама не видела Катю несколько лет.

Когда она порывается выйти мне навстречу, машу руками на бегу, веля оставаться в машине. Вдруг мы не сможем запихнуть ее обратно?

– Ого! – смеется она, изумленно рассматривая мои длинные конечности. – Ты времени не теряла!

Во мне метр семьдесят сплошных углов и обтянутых кожей костей. Не знаю, почему я такая тощая в свои двадцать, наверное, гены, а рост – прощальный финт без вести пропавшего отца, которого я в глаза никогда не видела.

– Да… – смущаюсь, тыча пальчиком в ее живот. – А ты арбуз проглотила?

– Это Алиса! – хохочет Катя, пристегивая ремень.

Сама-то она миниатюрная и очень хорошенькая.

Тем удивительнее, что карапуз, сидящий в кресле на заднем сидении, похож на маленького островитянина. Черноволосый и черноглазый. А маленькие темные бровки сложились в такой разлет, что можно позавидовать.

– Глеб, познакомься, – воркует Катя, поглядывая в зеркало заднего вида. – Это Диана…

К моему удивлению, внимательные карие глазки, и правда, сосредоточенно меня изучают, в то время как маленькие пухлые ручонки мнут ухо плюшевого зайчика.

Ну и фрукт этот Глебушка.

Оборачиваюсь к малышу и доверительно спрашиваю:

– Показать тебе мой паспорт?

Катя смеется, а Глеб продолжает меня разглядывать. Спокойный и внимательный.

Мы болтаем всю дорогу о том о сем. У нее восьмой месяц беременности, именно поэтому она перестала справляться с сыном, ведь он только с виду такой спокойный. Я склонна верить, что это обычное дело для всех детей, притворяться паиньками первые пять минут общения с незнакомцами, а потом они сбрасывают маски.

– Мне нужна помощь в течение дня, – говорит она, лавируя в вечернем трафике очень медленно и очень аккуратно. – И еще меня могут в любой момент в больницу забрать, а мой муж часто в командировках.

Киваю, позевывая.

– Мы живем за городом… – продолжает Катя, включая фары, потому что стемнело окончательно. – Если захочешь в Москву, можешь брать мою машину…

– У меня нет прав, – говорю я, разглядывая проносящийся мимо город.

И даже если бы были, я бы не взяла ее машину. Она стоит столько же, сколько наша с мамой квартира.

Москва жужжит как муравейник. Такая непривычная. На секунду ощущаю себя заблудшей душой, попавшей в другое измерение. Я здесь чужая. Прямо очень. Наверное, нужно было почаще выбираться из дома.

– Ладно, придумаем что-нибудь, – кивает сестра. – Ой, извини…

Приклеенный к приборной панели телефон звонит, и она тычет на прием, стараясь не отвлекаться от дороги.

– Да?..

– Привет, Пушистик… – стелется по салону бархатистый мужской голос.

У меня по руке бегут мурашки.

– Черт… – бормочет Катя, пытаясь отключить громкую связь и одновременно вести машину.

– Где ты? – летит ей в ответ.

– Домой еду, – морщится она, оставляя попытки локализовать разговор.

– Тогда я кладу трубку, – говорит мужчина. – Как мои дети?

– Соскучились… – улыбается девушка лобовому стеклу.

– А ты? – хрипловато требует он.

– И я…

– Вылетаем через сорок минут. Не засыпай.

На этом он отключается, а я краснею в темноте, до того этот простой разговор показался мне личным.

Это и есть ее папик?

Судя по голосу его рано списывать в утиль.

Кошусь на сестру, она глупо улыбается дороге.

Вау. Это выглядит так, будто она влюблена по уши.

Я никогда не была влюблена по уши. Почему-то так получается, что на меня обращают внимание не те парни, на которых обращаю внимание я. На меня клюют застенчивые и добропорядочные. Опыт показал, что мы с ними из разного теста. Даже дружбы не слепить, не то что страсти. Мама говорит, что это максимализм, и как раз таких разбирают еще в школе.

Спустя два часа я гипнотизирую глазами свой чемодан, сложив на груди руки.

Нет, я не жду, что он со мной заговорит.

Просто я не могу его открыть! Мама заставила меня повесить на него смехотворный маленький замок, и ключ я забыла дома на тумбочке.

Как после этого можно считать себя не пустоголовой?

Повыв в потолок, опираюсь руками на подоконник и высовываюсь в окно.

Катя не шутила. Она действительно живет за городом. Ее дом – очень модная конструкция из дерева и стекла. Не скрою, у меня был культурный шок. Я ожидала чего-то в стиле рублевской роскоши, судя по бриллианту, украшающему ее палец.

Но это место особенное.

Дом внутри потрясающий. Рядом лес, и запах просто волшебный. Сосна и смола.

Для нашего общего удобства я буду жить в гостевой квартире над гаражом. Меня это устраивает. Я бы не хотела мешаться в доме, тем более, что ее муж меня немного смущает. Я имею в виду, что голос у него был такой, будто он очень непростой парень. С учетом обрывков информации, которыми я владею, так оно и есть.

Дом погружен в темноту, только в коридоре на втором этаже горит свет.

Я не хочу беспокоить сестру, ведь она укладывает ребенка спать, поэтому, пихнув чемодан ногой, иду в душ.

Квартира очень уютная. Здесь собственный санузел, домашний кинотеатр, квадратное окно под потолком и встроенный шкаф.

Кровать каких-то нереальных размеров.

На ней восемь разных подушек.

Это разве не многовато?

В ванной есть стиральная машинка со встроенной сушкой. Я это знаю, потому что как-то раз подрабатывала в химчистке. Гружу в нее свое белье и футболку. Понятия не имею, что делать с чемоданом. Конечно, можно сходить в дом и взять на кухне нож, а потом вспороть его, как индюшку. Но это на крайний случай, если я окончательно разозлюсь.

Пошарив по шкафу, обнаруживаю три пары брендовых мужских кроссовок. Все разных цветов, но совершенно точно они для бега.

Повинуясь любопытству, переворачиваю один подошвой вверх, чтобы оценить размер.

Сорок пятый.

Неплохо.

На полках есть одежда. Все спортивное. Фирменные футболки, шорты и штаны. Целый ящик модных боксеров белого и черного цвета.

Закрываю ящик, решая больше ничего не открывать. Очевидно, это Катиного мужа. Сделаю вид, что никогда этих вещей не видела.

Приняв душ, складываю излишек подушек в угол и забираюсь голая под одеяло, не забыв включить кондиционер и оставив в ванной свет.

На секунду я загорелась идеей позаимствовать одну из футболок у хозяина, но потом передумала. Вдруг какая-то из них его любимая?

Переползаю **в** самый центр гигантской кровати, зажав в руке телефон.

Немного подумав, включаю в наушники шум дождя и сама не замечаю, как засыпаю, свернувшись калачиком и накрывшись с головой.

Меня будит инстинкт.

С колотящимся сердцем распахиваю глаза под одеялом, почувствовав, как прогибается матрас за моей спиной. Ноги отнимаются, а воздух застревает в легких, лишая меня кислорода. От неожиданности я на секунду потеряла сознание!

С воплями подскакиваю и визжу, скатываясь с кровати безвольной грудой.

В комнате полутьма, только желтая полоска света из ванной пересекает пол.

Бросаюсь к выключателю на стене и по пути врезаюсь коленом в кресло. Ору, хватаясь за ногу. Стряхивая с глаз волосы, оборачиваюсь и застываю, застигнутая врасплох изумленным вопросом:

– А ты, блин, кто такая?

Мое сердце так колотится, что я придерживаю ребра рукой.

– У меня… кхе… кхе… – откашливаюсь, потому что в горле пересохло. – Есть газовый баллончик!

– И чо? – летит мне из темноты.

Пячусь, прижавшись спиной к стене, не спуская глаз с рослого силуэта по ту сторону кровати. Он размеренно движется вдоль противоположной стены и у меня отвисает челюсть.

Господи, сколько в нем?

Метр девяносто?!

– Метр восемьдесят семь, – поясняет силуэт, потому что я спросила это вслух!

В комнате вспыхивает свет. Щурюсь, пытаясь прикрыть сразу все. Сначала накрываю руками грудь, потом зону бикини, потом снова грудь, потом одной рукой прикрываю грудь, а второй зону бикини. Все это время с открытым ртом и выпученными глазами рассматриваю стоящего напротив Годзиллу.

Ой, мама…

Он голый!

То есть, он абсолютно голый, но его пах ювелирно прикрыт смятым в ладони полотенцем! Настолько ювелирно, что я вижу светлые волосы внизу его живота.

О, Господи…

Я никогда не видела голого мужчину вживую.

Я уже минуту не моргаю. Просто не могу глаз отвести. Они у меня блуждают по его плечам, животу, ногам. Чувствую, как внизу *моего* живота собирается тяжесть, и сглатываю.

Вот это тело.

Он совсем не грузный. Узкие бедра и широкие плечи. Идеальный треугольник! Мышцы на руках и плечах, крупные кости, ключицы, длинные ноги. На животе светлые волосы и на груди чуть-чуть…

У него кубики на прессе и, вообще, множество рельефов повсюду! А эти косые мышцы пресса… я думала, это художественный вымысел!

Наконец, поднимаю глаза к его лицу и два раза моргаю.

Красавчик.

Точеные черты лица, искривленные в усмешке полные губы, прямой нос, голубые глаза, легкая светлая щетина на щеках и коротко стриженные светлые волосы. Густые прямые брови на тон темнее.

– Так кто ты такая? – повторяет он свой вопрос, рассматривая меня в ответ с легким неверием в происходящее.

– А ты кто такой? – спрашиваю в свою очередь, и мне действительно это просто очень интересно.

Его взгляд медленно и с интересом скользит по голой мне.

По ногам, рукам, животу.

Ахаю и поворачиваюсь к нему спиной, смущенная и возмущенная.

Разве джентльмены так поступают?

Он хмыкает, а моя попа горит в ответ.

Черт!

Поворачиваю голову и слежу за ним через плечо, откинув волосы за спину.

Снова ахаю, потому что он небрежно бросает полотенце на кровать.

Жмурюсь.

Но, я увидела достаточно! Мужской член я тоже никогда вживую не видела и не думала, что это случится вот так!

Запрокидываю голову к потолку и дышу ровно.

Перед глазами встает цифра сорок пять. Это сколько в переводе на… язык эрекции?

Затравленно кошусь через плечо. Мой ночной гость роется в шкафу, демонстрируя свои крепкие мускулистые ягодицы.

Вот это задница…

Он выхватывает первые попавшиеся шорты и натягивает их на бедра. Это, определенно, его одежда. Село идеально.

– Эй, снежинка? – зовет, оборачиваясь.

Хлопаю глазами, сгорая на воображаемом костре.

– Что… Конг?

Его губы расходятся в легкой улыбке.

– А в тебе сколько? – спрашивает он, запуская в меня футболкой.

Выбрасываю руку и ловлю ее. Одеваюсь мгновенно, прикрывая свой пунцовый зад.

– Эмм… один метр семьдесят четыре… – говорю, разводя руки в стороны и глядя на себя сверху вниз.

Его футболка на мне выглядит, как автомобильный чехол.

Где-то далеко звонит телефон.

Я вижу на полу в центре комнаты чужой чемодан. И большой кожаный рюкзак, из которого идет звук.

Красавчик подходит к нему и садится на корточки. Роется в рюкзаке и достает телефон. Снимает трубку, повернув в мою сторону голову.

– Да? – говорит он, повесив одну руку на колено.

Я мнусь на месте, сложив руки перед грудью. Его футболка доходит мне до середины бедра.

– Очень вовремя… – ворчит он, глядя в мое лицо с прищуром.

Смущаюсь.

– Понял я, че вы орете? – морщится таинственный незнакомец с сорок пятым размером ноги и ростом метр восемьдесят семь.

И самыми голубыми глазами на свете.

Кладет трубку и засовывает телефон в карман шорт, низко сидящих на талии.

Смотрю на то место, где заканчивается резинка, опоясывая плоский живот, и в панике увожу глаза к потолку. Когда вновь смотрю на него, его лицо полно иронии.

Это меня отрезвляет.

– Кажется, вы… ээ… ты ошибся дверью, – говорю ему прокашлявшись.

– Похоже на то, Динь-динь… – усмехается он, снова идя к шкафу.

Достает оттуда кроссовки и обувается, просовывая в них ноги.

Динь-динь?!

Вообще-то, у меня ощущение, что это я его потеснила. Здесь его вещи. И эта здоровенная кровать.

– Ты всегда голая спишь? – уточняет он, подхватывая с пола рюкзак и закидывая его на плечо.

– Нет, а ты? – парирую.

Он поднимает чемодан и ставит его вертикально.

Он уходит?

Разумеется, он уходит.

Я увижу его снова?

Как его зовут?

– Частенько, – улыбается блондин, еще раз осматривая меня с головы до ног. – Сколько тебе лет? – спрашивает вдруг.

– Мне… эммм… двадцать… – лепечу и, к своему ужасу, вижу разочарование в его глазах.

Мгновенно теряюсь, а он бормочет:

– Ясно…

И что ему ясно?!

Закинув на плечо здоровенный чемодан, он удаляется вниз по лестнице, оставив меня наедине собой.

Глава 2. Диана

Уже в шесть утра я готова начать свой день.

Лежа полностью одетая в центре великанской кровати, смотрю в потолок, сложив на груди руки. Мою спину поддерживают восемь взбитых подушек. Может и есть в них своя прелесть.

Меня распирает от жажды деятельности, а еще трудно одновременно спать и захлебываться слюной. Перед внутренним взором упорно маячит хозяйство ночного гостя в золотой короне, и это просто убийственно меня волнует. Его тело стоит перед глазами. Такое большое и крепкое. И эти самоуверенные повадки. Отсутствие стыда. Полное. Наверное, этот нахал знает, что с девушкой делать.

Разумеется, он знает. У него практика двадцать четыре на семь. Уверена.

Смотрю на себя, опустив подбородок. Упираюсь взглядом в пальцы своих ног с ядовито-зеленым лаком на ногтях.

У меня был парень на первом курсе. Мне нравилось с ним целоваться и проводить время. Но я не хотела с ним секса. Не могла расслабиться и, вообще, чувствовала себя рядом с ним неловкой грудой костей. В придачу ко всему мои кости еще и тяжелые. Я боялась Леню задавить.

Вздыхаю.

Мое лицо, как и вся я – сплошные углы. Нос, подбородок, скулы. Все как будто специально подточили, чтобы я выглядела не милой и не нежной. И губы у меня тонковаты. Ну, хоть глаза зеленые. Короче говоря, я все о себе знаю. Меня не назовешь сладкой конфеткой, скорее уж зубочисткой.

Окно открыто настежь, и по комнате гуляет свежий утренний ветерок, поглаживая мои голые ноги. Прикрываю глаза и делаю глубокий вдох. Как же потрясающе здесь пахнет. Похоже, ближайшие два месяца мне суждено провести в лесу. Я не против. Это лучше, чем засаленный комбинезон и запах бензина в волосах на заправке, где я подрабатывала прошлым летом.

Услышав, как за окном хлопнула крышка багажника, распахиваю глаза и поворачиваю голову. Вслушиваюсь в шарканье ног о подъездную дорожку и тут же встаю, влекомая любопытством. Если нас здесь пятеро, включая Глеба, то у меня большие шансы увидеть своего ночного гостя.

Лечу к окну и осторожно выглядываю, чтобы не обнаружить себя.

Внутренности делают двойное сальто, потому что внизу перед гаражом стоит черный спортивный «мерседес», которого вчера тут не было, а рядом с ним…

– Вот черт… – шепчут, приходя в дикое волнение.

Сердце ускоряется.

Он просто нереальный.

В потертых голубых джинсах с дырками на коленках, кедах и клетчатой рубашке поверх белой футболки. Наряд босяцкий, согласна, но это не умаляет эффект. Джинсы плотно облегают сильные бедра, а рубашка натянулась на широких плечах. Тем более, я знаю, что у него под этой одеждой!

Нещадно жую свою губу, сжимая и разжимая кулаки.

Я веду себя как животное. Ведь за его физическими данными я не вижу личности. Хотя, если уж на чистоту, как личность он наглый и самоуверенный тип. С очень обаятельной улыбкой и хитрыми голубыми глазами.

Он идет к водительской двери, и я начинаю паниковать, а когда люди паникуют, они делают всякие глупости.

– Ты ее угоняешь? – выпаливаю, перегнувшись через подоконник и упершись в него ладонями.

Свешиваюсь из окна, перекинув через плечо волосы.

Светловолосая голова резко поворачивается в мою сторону. Он еще сильнее зарос за ночь, но совершенно не помялся. Сейчас он кажется мне старше. Ему побольше, чем двадцать пять.

– Не вывались, – бросает Конг, открывая дверь и собираясь сесть в машину.

– Зачем тебе восемь подушек? – спрашиваю и внутренне сжимаюсь от своей глупости.

Щеки горят, надеюсь, он этого не видит. Это так назойливо. Он явно не собирался со мной болтать. Что я творю?

– Голодное детство, – кривятся в усмешке красивые губы.

У него потрясающие полные губы. Полнее, чем у меня.

– Мне… нужна помощь, – сообщаю с колотящимся сердцем, вцепившись в оконную раму.

Не хочу оставлять за ним последнее слово. От этого я буду выглядеть очень жалко – висящей в окне и смотрящей вслед его «мерседесу».

Мужчина выпрямляется и смотрит на меня пристально. Спрашивает, положив руку на дверь машины.

– Какая?

Выдыхаю. Ну вот. Ты завладела его вниманием на пару жалких секунд.

– С моим… чемоданом, – наконец-то изрекаю, мотнув головой себе за спину.

– И что с ним? – уточняет он, не спеша бросаться мне на помощь.

Его поза расслаблена. Одна нога согнута в колене. Он запрокинул голову, и на шее обозначились мышцы.

– Не могу открыть, – сообщаю виновато.

Он задумчиво молчит.

Напрягаюсь.

– Слушай, – говорит, наконец, устремив на меня прямой острый взгляд. – Мы с тобой не с того начали.

– Да? – тупо спрашиваю я.

По-моему, мы начали эпично.

– Да, – твердо заявляет он. – Я Егор. Это дом моего старшего брата.

Егор…

Это все, что я услышала…

– Я Диана… – говорю тихо, глядя на него исподлобья.

– Я знаю, кто ты, – кивает он. – Если тебе, правда, нужна помощь, я помогу. Что-то большее меня не интересует.

– О… – хлопаю я глазами.

Я ничего такого не предлагала… сама не знаю, чего я хотела. Какая глупость. Разумеется, я его не интересую. У меня довольно скромное очарование и еще меньшая сексуальность.

Он посматривает на свои часы, намекая на то, что мне нужно соображать быстрее.

Тут и соображать нечего.

Решаю больше его не задерживать и убраться туда, откуда вылезла.

– Ты меня тоже не интересуешь, – сообщаю поспешно, возвращаясь в комнату.

Разумеется, это абсолютное вранье.

– Серьезно? – усмехается он, глядя на меня с лукавой улыбкой.

– Да, – киваю высокомерно и добавляю, ухватившись за ручку. – Я предпочитаю тонкие руки и прокачанные мозги… ну, ты понял…

Господи, что я несу?

– А, то есть, все то, чего во мне нет? – расплывается он в улыбке.

– Типа того, – чопорно подтверждаю я.

Конг качает головой, глядя на свои кеды. Потом поднимает ее и смотрит на меня с ленцой.

Облизываю губы. Потому что его улыбка, это то, чего мне не следовала видеть.

– Так что у тебя там за беда, Динь-Динь? – спрашивает, закрывая водительскую дверь и кладя руки на бедра.

– Не называй меня так, – прошу его и, перед тем как закрыть окно, бросаю. – Эмм… можешь подняться.

Молнией несусь к зеркалу в ванной и прохожусь расческой по волосам. Замираю, глядя на свое отражение. Лицо у меня взволнованное, что соответствует состоянию моей души. Сейчас я плохо соображаю рационально, но очень хорошо поддаюсь порывам.

Это большая-большая беда.

Я могу наломать дров, чувствую это.

На лестнице уже слышны шаги.

Еще раз смотрю на себя и, плюнув на все, иду открывать. Я не смогу его чем-то удивить. Он уже, и так все видел. И сзади, и спереди.

Открываю дверь и высовываю голову.

Он… Егор бодро перепрыгивает через две ступеньки, глядя себе под ноги. Пялюсь на него с восторгом, пока он не видит. Поражаюсь тому, как он скоординирован несмотря на великанство.

Когда наши глаза встречаются, Конг весело улыбается. Опять. Я испытываю головокружение, но прячу его, отводя глаза.

Отхожу в сторону, пропуская его. Поднимаю голову и смотрю на него снизу вверх заторможено. Моя макушка на уровне его подбородка. И это, не говоря о разнице в наших пропорциях. Женщины после него вообще выживают?

Он замер на пороге, повернув ко мне голову. Тону в его глазах. Он уже не улыбается. Просто изучает мое лицо. Что он думает о нем? Ему нравится?

Краснею.

От него пахнет морским бризом. И у него вокруг глаз малюсенькие морщинки. И в уголках губ тоже. Это от улыбок.

– Не красней, Динь-Динь, – сухо говорит мой гость, выдергивая меня из облаков. – Давай, показывай.

Закрываю глаза на это обращение, хоть мне и не нравится. Звучит по-детски.

Ему так не терпится уйти?

Упрямо сжимаю губы, мотнув головой на чемодан, который бесполезно лежит посреди комнаты:

– Ключ дома забыла.

Он кивает и идет к нему. Помедлив, трогаюсь следом.

Егор опускается на корточки и подхватывает длинными пальцами замок, который на фоне его руки выглядит уменьшенной копией себя.

Полминуты задумчиво изучает собачку и язычок. Встает и спокойно идет к встроенному в стену шкафу, обойдя меня стороной.

Поворачиваю голову, наблюдая. Он открывает дальнюю створку и достает оттуда большой короб с инструментами.

Теперь точно никаких сомнений в том, что хозяин здесь он, а не я.

Каким бы серьезным он ни был, гора подушек за моей спиной намекает на некое легкомыслие. Не говоря уже об этих потертых дырявых джинсах.

Наблюдаю за ним молча, сложив на груди руки. Он снова обходит меня и ставит короб на кровать так, будто тот ничего не весит. Открывает и без раздумий берет маленькую отвертку. Снова опускается на корточки и начинает что-то ковырять.

Сажусь на кровать рядом с ящиком, сложив руки на коленях и скрестив лодыжки. С трепетом наблюдаю за ловкими движениями загорелых рук. На предплечьях и ладонях отчетливо проступают вены. Меня бросает в жар, и жилка на шее пульсирует, потому что густые светлые волосы на его предплечьях такого же оттенка, как и…

– Плоскогубцы, – просит Егор, протягивая ко мне руку, и терпеливо ждет, посмотрев мне в лицо.

Тут же ныряю в ящик, пряча лицо в волосах, и перебираю инструменты. Достаю плоскогубцы и заглядываю в его глаза. Они серьезнее некуда. Какая неприступность.

Смотрю на него также серьезно, вручая плоскогубцы, но, когда он уже готов коснуться инструмента, отдергиваю руку. Его пальцы хватают воздух, а я хихикаю.

– Тебе точно двадцать? – вздыхает он.

– Да, а тебе сколько, пятьдесят? – радуюсь, нажимая на пластиковые ручки и делая “кусь-кусь” в его адрес.

Его губы улыбаются.

Воодушевляюсь.

– С твоей двадцаткой – да, – говорит Егор, снова протягивая руку.

Ему тридцать?

Смотрю на его раскрытую ладонь и обреченно делаю то, что хочется. Сопротивляться просто невозможно. Протягиваю свободную руку и прохожусь пальчиками по его ладони. Едва касаясь. Начиная от кожаного шнурка на запястье и до кончика среднего пальца. Он отдергивает руку, а я поднимаю на него глаза.

– Шершавая… – шепчу смущенно.

Кожа на его ладони загрубевшая.

Он не белоручка.

Моя веселость улетучивается, потому что его лицо мрачнеет. Черты лица становятся грубее и острее, а взгляд заставляет меня сглотнуть.

– Ты точно с ребенком сидеть приехала? – прохладно спрашивает он.

Это как ушат ледяной воды, который попал прямо мне на кожу.

Суетливо встаю и шепчу:

– Извини…

Запихиваю телефон в карман юбки и иду к двери, не оборачиваясь. Напяливаю сандалии, не застегивая, и ухожу, сдавленно пробормотав:

– Спасибо…

Глава 3. Егор

Провожаю взглядом оскорбленную невинность и спокойно возвращаюсь к делу.

Так-то лучше. Нефиг баловать.

Я сейчас улыбаюсь?

Похоже на то.

Потираю ладонь о бедро и снова смотрю на опустевший дверной проем.

Что за чудо в перьях?

Хмыкаю сам себе.

Лицо у нее своеобразное. Можно и порезаться. Нос как наконечник у стрелы. И подбородок тоже. Забавно. Глаза красивые, пожалуй. Серо-зеленые, а соски у нее бледно-розовые, как и губы. Я ее сиськи даже сиськами назвать не могу. Это уж скорее грудки. Маленькие и округлые.

Ладно, проехали.

Цепляю плоскогубцами ушко бегунка, отгибаю его на миллиметр и достаю язычок.

Готово.

Встаю, размяв шею, и возвращаю инструменты в коробку.

Куда она помчалась, дитя природы? В доме еще все спят, даже Глебыч.

Я же ее не прогонял. Она мне не мешала.

Перегнул?

Ну, может и так. Поставил на место немного малявку нахрапистую. Не хочу ее руку на своем члене в следующий раз ловить. Я и отреагировать могу. Но я сюда отдыхать приезжаю,

а не от юных девственниц с тощими упругими задницами отбиваться. Я уже не в том возрасте. В следующем году тридцатник стукнет.

Подхватив короб, тащу его на место. Дверца шкафа шатается, поэтому, чертыхнувшись, снова берусь за отвертку. Давно хотел подтянуть саморезы, но не был здесь пару недель. У нас четвертьфинал Кубка, осталось четыре игры. Самых напряженных. И после этого планирую отправиться на Бали. Недели на три минимум. Просто отдохнуть. Я забыл, когда последний раз трах*лся. А если и трах*лся, думал о следующей игре.

Это был тяжелый сезон.

Мне вообще по жизни везет. Еще в универе понял, что хочу играть в баскетбол, так что больше ни на что не отвлекался. То есть, на все остальное я просто забил. Попал в профессиональную команду в двадцать четыре. И сразу в основной состав. Ну, так я хорош, что поделать.

Единственное что периодически беспокоит – то, что мой старший брат президент Клуба.

Он как наседка, а два сезона назад взял и продал меня в Америку на год. Его аргументы – команда должна постоянно обновляться, и если я сейчас не уеду, через два года ему придется убрать меня с концами. Может и так, но можно было хотя бы посоветоваться? Но он у нас все лучше всех знает. Поэтому я отпахал год на другом континенте. Погрузился в другую школу и нахватался нового опыта. Этот трансфер вообще из ряда вон. Не знаю, как он умудрился его организовать. В этом сезоне я вернулся в родной клуб как новичок. Ну не прелесть ли?

В кармане звонит телефон. Подкинув в воздухе отвертку, снимаю трубку:

– Привет, рыжая, – приветствую дорогую собеседницу, упершись рукой в шкаф.

– Прилетел? – спрашивает Света официально.

– Как всегда, – салютую я.

– Я сегодня вечером свободна, – независимо сообщает она, будто проверяет записи в ежедневнике.

Очень заманчиво, конечно.

– Давай не сегодня, – говорю ей. – Я вымотался. Сутки на ногах.

– Ну, как хочешь, – тут же отзывается она.

Усмехаюсь. Света в своем репертуаре.

– У меня завтра игра, – говорю ей. – После нее пользуйся мной, как душе угодно.

– Тогда до завтра, – бросает она.

– Ага, – хмыкаю и кладу трубку.

Света – потрясающая женщина.

Шикарная.

Мы с ней уже три месяца занимаемся свободным сексом. Я не настаивал, просто как-то вез ее домой с одной тусовки. Она захотела, а я тем более. Свободный секс тоже ее идея. Не то чтобы я собирался направо и налево трах*ться, у меня все-таки один член, и я его оберегаю от одноразового бессмысленного траха. Ладно, в последнее время оберегаю. Я не плейбой. Не совсем. Ладно. Я такой. Но сейчас мне ее прелестей выше крыши хватает. Хочет она свободный секс, пусть будет свободный. В ее дела я не лезу. О нас с ней, вроде как, никто не знает. Это тоже ее идея. Это идиотизм, но я и тут уступил, потому что мне в основном по фиг – будет о нас кто-то знать или нет.

По идее, нам можно было бы перейти на следующий этап, но что-то не переходится. Она всегда держит дистанцию, всегда строит из себя независимость, никогда не остается на ночь и никогда не говорит напрямую, чего ей от меня надо. Я должен сам догадаться? Я не хочу играть в эту игру. Мне сейчас не до этого. Если ей что-то нужно, пусть скажет и возьмет это. Я открыт

для любых предложений, особенно после того, как сезон закончится. Мы даже могли бы вместе слетать на отдых. Наверное. Свету и матери предъявить не страшно. Одной проблемой меньше.

В телефоне срабатывает будильник, и я его отключаю, проехавшись пальцем по экрану.

Пора домой. Выспаться. Всю неделю выездные игры, нужно было сразу в Москву ехать. Брат попросил его до дома подкинуть. Тем более, сюда от аэропорта десять минут езды.

Я в его доме полноценно спать не могу. Как-то три года назад остался я на ночь. Пять минут слушал стоны КАтенка – шумоизоляция у них никакая, а Паша со своей благоверной, кажется, вообще не слезает. Собрался и уехал прямо посреди ночи. Это, блин, травма психологическая. Сегодня меня пронесло, и слава Богу. Мой лайтовый чердачок теперь занят детской непосредственностью, иначе завалился бы спать прямо здесь. Я, между прочим, эту кровать сам собрал и укомплектовал, чтобы отдыхать комфортно, а теперь меня отсюда выперли.

Надолго она приехала? Откуда она вообще?

Выхожу за дверь и спускаюсь по металлической лестнице. Осматриваюсь, но нигде не вижу сопливую завоевательницу.

Диана.

Красивое имя. И девушка ничего. На одуванчик похожа. Такая же белая и пушистая. И зеленая. Ее не кормят, что ли? Она точно сестра КАтенка? Откуда эти ноги?

Оглядываюсь еще раз, притормозив у водительской двери. Вокруг птички поют, а в остальном тишина и утренняя прохлада. Может, тоже дом купить? Да, нет. Я урбанист. Я город люблю. Движение.

Открываю дверь и сажусь в машину. Завожу мотор и включаю кондиционер на полную мощность, чтобы не уснуть по дороге.

Смотрю в зеркала.

Никого.

Ладно. Оклемается.

Глава 4. Диана

Сидящий рядом со мной на заднем сидении машины Глеб тычет пальчиком во все подряд кнопки своей развивающей музыкальной игрушки. Мы уже послушали как мычит корова и поет петух. Волчий вой лишний в детской игрушке, а лошадиное ржание заставило меня поморщиться.

Постукиваю ногой в босоножке о резиновый коврик и жадно рассматриваю картинки города за окном.

– Диана, забери, пожалуйста, у него эту х*рь, – сдержанно просит Катин муж, пнув меня взглядом в зеркало заднего вида.

Я уже немного привыкла к его манере выражаться.

Не думаю, что это хорошая идея. Глеб из тех парней, которые никому ничего просто так не отдают.

– Паш, он разорется, – возмущается моя сестра, которая сидит на переднем сидении рядом с супругом, сложив руки на Алисе.

Я с ней полностью согласна, но помалкиваю.

– На фиг ты вообще взяла эту шарманку? – грубовато спрашивает он, постукивая пальцами по рулю.

У него на безымянном пальце широкий ободок платинового обручального кольца, который видно из соседней машины.

– Чтобы тебя позлить… – миролюбиво сообщает Катя, заставляя меня в очередной раз удивляться.

Они переглядываются, и мужчина бросает:

– И я о том же.

Стараюсь не сильно пялиться на его коротко остриженный затылок, потому что это невежливо. Но я в легком потрясении с тех пор как увидела его вчера. Он представился «Пашей», но я скорее умру, чем обращусь к нему так.

Катин муж… он точно не «папик».

Это высокий, красивый брюнет с цепкими карими глазами. И в потрясающей физической форме. Сейчас на нем костюм и галстук. Он точно старше Кати… КАтенка, так он ее называет. Он старше ее на семь лет. И у него на шее татуировка. Кажется, он немного деспотичный. И он совершенно точно ест с Катиных рук, а может быть и с ног, если она попросит. Она в курсе и очень довольна этим. Он, кажется, тоже.

И еще… еще он очень похож на своего брата, который не выходит из моей головы. Только его брат – блондин, и глаза у него голубые. И он предпочитает одеваться в то, что Бог пошлет.

Удрученно смотрю на свои коленки.

Как будто всего того, что я уже о нем знаю, было мало. Вчера, после своего позорного бегства, я узнала, что Егор – профессиональный баскетболист. Он играет за главный столичный клуб. Он «первый номер». Разыгрывающий защитник. Муж Кати, в свою очередь, оказался президентом этого клуба.

Вот так семейка…

Вчера я до ночи блуждала в интернете. Я нашла ЕГО социальные сети (он ограничил доступ к своей странице) и фото в поисковике. Их немного, но они все же есть. Не знаю, зачем мне это. Через два месяца я вернусь домой. В свою жизнь. Но если два дня назад я волновалась, покидая ее, то теперь я не знаю, как заставить время идти медленнее.

Жизнь Егора Благова и все, что вокруг нее – повод присвистнуть. Он успешный. Родившийся в рубашке. Какое-то время он жил за границей, и бог знает где еще он жил, потому что его отец – посол в Испании!

Под утиный гогот смотрю на проносящееся за окном шоссе. Достаю зеркальце из висящей через плечо сумки и рассматриваю себя, спрятавшись за подголовник водительского сидения.

Сегодня на мне красная помада, которая мне идет. Это я знаю точно.

Мы едем на четвертьфинальную игру Кубка, и я в предвкушении. В жизни не бывала на профессиональных матчах по чему-нибудь. Захлопываю зеркальце и вся сжимаюсь, чтобы не лопнуть от нетерпения.

Я целый час решала, что надеть. Можно подумать, у меня очень большой выбор. Половина моих вещей – это летние комбинезоны. Я их люблю. Но сегодня я выбрала свободный сарафан под горло с открытыми плечами и принтом из розовых пионов. На мне нет лифчика, но с моей грудью это не беда. К тому же это самое нарядное из всего, что у меня с собой есть.

Мои волосы распущены, а голову венчает кепка с эмблемой клуба, одетая козырьком назад.

Домашняя площадка клуба – это спортивный комплекс советской постройки, на стенах которого красуются застывшие в прыжках баскетболисты.

Пока Павел помогает Кате выйти из машины, я достаю Глеба из его кресла, крутя головой по сторонам.

Тут куча народу. Много фанатской символики. Прежде чем двинуться внутрь, Павел забирает у меня сына и протягивает руку жене.

Семеню за ними, фиксируя все, что меня окружает – людей, звуки, атмосферу.

Наши места в первом ряду. И я в восторге.

– Это же? – шепчу, дернув усевшуюся рядом сестру за рукав, и тычу пальчиком ей за спину.

– А? – отзывается она и, проследив за направлением моего пальца, подтверждает мою дикую догадку, кивнув.

Через два человека от меня, рядом с Павлом Благовым, сидит известный член нашего Правительства. Они болтают и смеются. На бедре первого вольготно расположился Глеб, зависший на огромных мигающих мониторах.

Тру пальцами виски. Господи, сколько же здесь народа.

Меня со всех сторон окружают трибуны, которые полностью забиты.

Перевожу взгляд на площадку. Отсюда она вся как на ладони. Под километровым потолком софиты. Из динамиков дают музыку, на огромных экранах бегут информационные строки и видеоролики. Куча телевизионной техники фиксирует происходящее. Вдоль кромки поля разместились фотографы. Народ жужжит, а игроки обеих команд разминаются.

Мои глаза бегают по головам, в поисках конкретной.

Вижу ее и в волнении сжимаю музыкальную игрушку.

Егор приседает с мячом и высоко выпрыгивает вверх. Его тело мощное и гибкое. Движения резкие и размашистые.

Слежу за ним неотрывно.

Он болтает с двухметровым чернокожим парнем, у которого прическа напоминает ананас, и небрежно заправляет майку в шорты. Форма ему идет. На его бицепсах то и дело напрягаются мышцы. Даже в этой бесформенной форме его задница – отпад. Тут же вижу ее голую. Спасибо, память.

Может быть, я возьму у него автограф после игры?

Просто ужасная идея…

Но если я хочу напроситься на очередную порцию унижений, мне придется проявить инициативу.

Игроки, тем временем, по очереди отрабатывают броски.

Мой армеец забивает трехочковый с первой попытки и дает пять соседу.

– …ну и толкучка сегодня… – раздается над моей головой звонкий женский голос, а обзор на секунду загораживают стройные округлые бедра.

Сидящая рядом Катя вскидывает голову и улыбается так открыто, что солнце могло бы померкнуть.

– Привееет! – пищит она, протягивая руки, а я вдыхаю сногсшибательный парфюм, поднимая глаза.

Великолепная рыжая красотка появляется в поле моего зрения. Катя представляет ее как Свету. На ней короткое облегающее красное платье и восьмисантиметровые лабутены. Черты лица мягкие и женственные, волосы волнистые и ухоженные. Натужно улыбаюсь и отодвигаюсь в сторону, уступая ей место рядом с сестрой, потому что они принимаются болтать без умолку.

Такое соседство не красит меня. Я, вместе со своими пионами и бейсболкой, сразу почувствовала себя простушкой. Это вмиг испортило мое настроение, к тому же я заметила, что Егор бросил на нас взгляд.

Он смотрел не на меня. Уверена. Он, наверное, меня даже не заметил рядом с этой Светой.

Мрачно продолжаю наблюдать за площадкой, сложив руки на груди.

Как только раздается свисток, я полностью погружаюсь в игру, пытаясь восстановить похороненное настроение.

Это восторг.

Движения этих парней такие быстрые, такие отлаженные. Тренер носится вдоль линии аута, размахивая руками и подавая какие-то неведомые знаки. Каждый забитый мяч встречают громкими овациями, и я тоже вскакиваю. Усидеть невозможно.

Егор – он как ураган.

Он очень быстрый.

Несколько раз вздрагиваю, потому что он два раза упал и один раз получил локтем по носу.

Видеть так близко, как теснит и толкает друг друга орава здоровенных мужиков, очень нервно.

Егор несколько раз прорывался к кольцу и забил четыре мяча! Он более маневренный, чем эти двухметровые лбы и более подвижный, поэтому им сложно остановить его атаки. И еще, у него превосходная техника.

Наш клуб победил со счетом 96:80.

Это самое крутое массовое мероприятие, на котором я когда-нибудь бывала.

После окончания матча все сливается в один большой водоворот и какофонию. Я теряю его из вида за спинами толпящегося народа. Выглядываю, пытаясь отыскать его вновь, но нигде не вижу.

Мое настроение сдувается как воздушный шарик.

Ведь я почти решилась с ним заговорить несмотря ни на что…

Глава 5. Егор

Игнорируя окружающий меня галдеж, выхожу из общего душа, обмотав бедра полотенцем. В коленном суставе ощущаю знакомую боль, которая неприятно и назойливо фонит.

Морщусь, прихрамывая.

Эта травма – моя старая заклятая подружка. Все что угодно готов поставить, дождь пойдет. Мне тридцати нет, а я как метеостанция. Плечо тоже ломит. Это привет из Америки. Я уже так привык к разным видам боли, что даже внимания не обращаю.

Положив ладонь на ключицу, разминаю на ходу сустав.

В раздевалке целая батарея голых болтов и волосатых задниц всех цветов. У стены, сложив руки на груди, дежурит тренер Гибсон. И он здесь по *мою*.

– Дать вазелин? – скалится проходящий мимо Вакуленко, двадцатитрехлетний центровой из Ебурга.

У него рост два десять и куча всяких тупых талантов, типа громче всех рыгать или громче всех вонять. Голос у него тоже тупой. Он раздражает мои нежные нервы, поэтому просто показываю ему средний палец.

Смотрю в глаза Гибсона прямо и упрямо, направляясь к своему шкафчику. Он трогается следом.

Стягиваю полотенце и бросаю его на скамейку.

Тот останавливается позади, дыша мне в затылок и нарушая все социальные нормы. Понизив голос, начинает меня отчитывать на омерзительно исковерканном русском языке. К чему эти потуги? Мы тут все свободно по-английски говорим. Полиглот хренов. В этом есть один плюс, даже я понимаю его по наитию, что говорить об остальной команде, которая, выражаясь политкорректно, многонациональна.

– Мы опять вернулись в начало? – каркает Гибсон над моим плечом.

Молчу, роясь в своей сумке. Мне особо нечего возразить.

Спокойно и собранно принимаю плети.

– Я не буду много говорить… – продолжает он из-за моего плеча.

– Слава Богу… – вполголоса бормочу себе под нос, ища в сумке трусы.

– Еще раз такое сделаешь, сядешь на скамью, – нелепо картавя и булькая, угрожает Гибсон.

Натягиваю трусы и разворачиваюсь к нему, кладя руки на бедра. Он принимает аналогичную позу. Между нами расстояние в пару сантиметров, и это нервирует.

Это мое, бл*ть, личное пространство.

Все умолкли и прячут глазки.

Мы с ним почти одного роста, но я на три сантиметра выше и на двадцать килограмм тяжелее.

Мы с Гибсоном не сошлись еще с моей первой игры в этом сезоне. Моя позиция – разыгрывающий защитник. Я всю жизнь на этой позиции. В Америке тоже был разыгрывающим, но по факту всегда играл как атакующий. Я хотел остаться в этом амплуа и по возвращении в родную команду, потому что это просто мой новый талант! Талант, который раскрылся еще в университете, но никогда не культивировался. До тех пор, пока я не попал в Калифорнийских Медведей, где мне дали полную свободу действий.

Но Гибсон подрезал мне крылья.

По его мнению, я слишком малорослый для атакующего. Может и так, но я быстрее и в десять раз маневреннее. И меня еще не сдержала ни одна защита, если бы он только позволил мне играть, как я хочу.

Сегодня я самовольно ушел в атаку. Не делал такого с первой игры сезона. Не знаю, что на меня нашло. Просто меня все достало, вот что. Плюс, два моих мяча прикрыли наши задницы сегодня. Но этот формалист готов матч слить, лишь бы все сидели на своих места, иначе конец. Анархия, твою мать!

Скорее всего прав он, а не я. Но что-то со мной творится.

– Я все понял, – говорю Гибсону спокойно, что не дает нам с ним никаких гарантий на оставшиеся три игры.

– Сядешь. На. Скамью, – повторяет, свирепея.

– Как скажете, – отвечаю спокойно.

Что тут еще сказать?

Я совершенно точно не сожалею и совершенно точно ничего не обещаю. Мне нужно разобраться в себе. Чем выше у человека интеллектуальный уровень, тем хуже он работает по принуждению.

– Поговорю с Павлом… – угрожает Гибсон вдруг.

А вот тут свирепею я.

Просто взвиваюсь как ужаленный.

– Да хоть с Трампом! – психую как девка и отворачиваюсь.

Из всех его угроз – эта *самая* выводящая из себя.

Все решения в своей жизни я принимаю сам, без оглядки на чужие мнения. В моей жизни целая толпа желающих указать дорогу, только записывай за ними.

Хрустя зубами, быстро достаю из сумки первое попавшееся: черные хлопковые шорты и серую футболку.

Слышу, как хлопнула дверь, и хватаю телефон.

Паша: «Поднимись ко мне».

Не пойти ли ему в задницу?

Мама: «Завтра жду на обед».

Придется ехать.

Рыжая: «Жду тебя в машине».

Придется *свою* оставить здесь. Дерьмо – вариант, но так и быть. Как исключительный джентльмен пойду ей на встречу.

Швыряю телефон в сумку и натягиваю шорты. Сажусь на скамейку, чтобы обуться. Дергаю за шнурок так, что он чудом остается цел. Предупреждающе смотрю на Дэна – нашего капитана.

Никаких бесед по душам.

Я вообще не люблю откровений с посторонними. Я сам себе режиссер.

Спустя пять минут покидаю раздевалку, закинув сумку на плечо. В башке куча мыслей. Все они о том, хочу ли остаться в команде на следующий сезон? Остаться без команды в тридцать лет – история помнит таких придурков, все они закончили на скамейках в турецкой лиге.

Направляюсь к задней технической парковке, минуя главный холл, где в это время обычно туча народу. По дороге встречаю физиотерапевта Марата, который интересуется моим плечом. Обещаю ему заглянуть завтра перед тренировкой. На выходе из комплекса у вертушки даю знак охране пропустить меня.

Тормозит звонкий оклик:

– Эмм… классная игра!

Откуда этот голос?

Оборачиваюсь.

По пустому тусклому коридору ко мне спешит тонкая фигурка в развивающемся разноцветном сарафане. Льняные волосы гладкой серебристой волной стелются по оголенному плечу. На голове клубная бейсболка козырьком назад. Ноги обуты в босоножки на платформе с розовыми бантами вокруг лодыжек.

Тянет улыбнуться.

Не сразу понимаю кто это.

Была бы она голая. Она такая белокожая и худая, что сразу бы узнал. Не припомню, чтобы вообще видел такую одновременно тощую и симпатичную попку с ямочками у основания.

Порядок в волосах и эта красная помада делают ее старше. На год примерно.

Диана, кажется?

– Спасибо, зефирка, – бросаю, останавливаясь у турникета и дожидаясь, пока загорится зеленая стрелка.

Я не расположен для бесед с восторженными розовыми младенцами. До завтрашнего утра я вообще для всех, кроме Светы, умер. Погреюсь у ее теплого тела и буду опять смотреть повторы игр нашего главного конкурента. У них новый форвард из НБА, нужно его хорошенько изучить. Мы с ними встретимся в финале, это уже традиция.

Мысль о финале снова подталкивает к мыслям о следующем сезоне.

С шумом выпускаю воздух из легких, глядя перед собой.

Я не хочу откладывать этот вопрос. Если откладывать какой-то вопрос, он нагонит тебя быстрее, чем ты думаешь.

Перевожу глаза на коридор.

Девчонка упрямо припускает за мной, размахивая розовой пластиковой игрушкой. Боюсь, как бы ее ноги не переломались по дороге, потому что эта обувь на них выглядит так, будто к лодыжкам розовыми лентами привязали кирпичи.

– Второй мяч был просто бомба, – тараторит, оказавшись рядом. – Ты очень быстрый…

Лестно, с учетом того, какой втык я только что за это получил.

Меня обдает тонким цветочным ароматом и яркой девчачьей аурой. Слегка отшатываюсь от такого фейерверка, потому что она, как и Гибсон, не слышала о личном пространстве.

На турникете вспыхивает зеленый.

Угукаю, толкая вертушку, и прохожу, вытянув вверх руку с сумкой.

– Эммм… а дальние броски у тебя не очень… – летит мне в след.

Ага, я в курсе.

Выхожу на улицу и осматриваю стоянку в поисках белой «ауди».

–… а ваш атакующий еле ноги переставляет… – раздается за моей спиной.

Да что ж такое?

Сбегаю с крыльца и смотрю на небо, сощурив глаз. Ну, точно. Дождь пойдет. Нужно купить обезболивающее. Не хочу сегодня терпеть.

– Я… эммм… попросилась к тебе в друзья в соцсети… – жужжит назойливая мушка, преследуя меня по пятам.

– Подглядывать будешь? – спрашиваю, подходя к багажнику «ауди», и легонько по нему стучу.

Света открывает его, и я забрасываю внутрь сумку. Поворачиваю голову, привлеченный тишиной.

Неужели?

Я вообще крайне редко третирую женский пол. Гораздо удобнее быть милым душкой.

А эта…

Эта мне ни в каких сферах неинтересна.

Провинциальная двадцатилетка, живущая за городом в доме моего старшего брата. Каждое слово в этом предложении намекает на бесперспективный геморрой, с которым я даже близко не мыслю связываться.

Няня нахмурилась и покраснела, но зеленых сверлящих глаз не опустила.

Я уже подзабыл, что ее милыми чертами можно резать стекло. На ней практически нет макияжа. Кожа светлая и прозрачная. Настороженные глаза прямо на уровне моего подбородка. Света тоже достаточно высокая, но у этой вообще ноги бесконечные, а с этими табуретками на ногах ей даже шею выгибать не нужно, чтобы метать в меня зеленые молнии.

Она снова стоит так близко, что мы практически соприкасаемся.

Порыв ветра подхватил прядь пепельных волос и швырнул ей на лицо, царапнув мое.

Дергает головой, чтобы ее убрать.

Когда я делаю шаг в сторону, чтобы обойти нахалку, она делает аналогичный.

Мои брови удивленно ползут вверх.

Прикусывает нижнюю губу ровными белыми зубками и смущенно говорит:

– Может… устроим домашний турнир? Я в школе играла в баскетбол… и у Кати есть маленькая площадка, я видела.

– Я тебя затопчу, – прерываю ее, захлопывая багажник.

Я одной рукой ей шею сверну, какой турнир?

– А мы будем в одной команде, – находится она, заглядывая мне в глаза.

– А во второй кто будет? – спрашиваю, делая еще одну попытку уйти, но эта заковырка снова меня не пропускает.

Что, бл*ть, происходит?

– Ммм… твой брат… – лепечет, прижимая к груди розовый пластик.

Кладу руки ей на плечи, с целью отодвинуть девицу в сторону, но как-то буксую, потому что по гладким и очень хрупким плечам проходит дрожь.

Под пальцами чувствую мурашки.

Смотрю ей в глаза.

Вижу, как остроконечный носик втягивает в себя мой запах, а тонкие веки опускаются…

Мы слишком близко друг к другу. Как она прошмыгнула?

– Может… завтра? – спрашивает хрипловато, не открывая глаз.

Ее дыхание учащается, а щеки розовеют.

Она меня хочет.

Я молодой мужик. У меня яйца поджимаются, и начинается эрекция. Класс, твою мать!

– Ага, блин, сегодня… – так же хрипло отвечаю я, в шоке пялясь на ее красные губы.

– Благов, ты совсем офигел? – рычит Света, выскочив из машины.

Зефирка дергается, резко распахивая глаза. Толкаю ее в сторону и иду к пассажирской двери. Запрыгиваю в машину и резко поправляю шорты, чтобы спрятать свой стояк.

Что это на хрен такое было?!

– Ты неисправим, я в шоке просто! – шипит Рыжая, громко хлопая водительской дверью.

На ней офигенное красное платье. Каждый соблазнительный изгиб подчеркнут. Раз у меня уже стоит, хочу ее в этом платье.

– О чем ты? – сглаживаю конфликт, разваливаясь на сидении и пристегивая ремень.

– Кого ты еще не склеил в этом городе?! – орет она, развернувшись ко мне. – Эта тебе зачем?! У тебя вообще тормоза есть?!

Такая постановка вопроса злит. С учетом того, что она ни разу не обоснованная. У меня много телок было, и я хронический первосвиданец, но я не брехун. И я не кидаюсь на каждую встречную как помойный пес. Слышать подобное от Светы странно, она меня знает много лет.

– Я со школы никого не клеил, – спокойно доношу до нее. – И тебя в том числе. Клеила меня ты. Не забывай об этом.

– Ясно… – говорит резко, выруливая с парковки.

Вечер обещает быть дерьмовым.

Она ведет машину молча, но я просто слышу, как вращаются шестеренки в ее голове. Скрежещут. Перетирают.

Слишком громко она дышит. Слишком резко меняет полосы.

Все это не сулит ничего хорошего.

Нахожу кнопку управления сидением и отодвигаю его по максимуму назад. Вытягиваю ногу и начинаю массировать колено обеими руками. От облегчения закрываю глаза и выдыхаю.

Мне нужен лед.

Первые капли дождя упали на стекло. Это единственный звук в салоне, кроме тихого сопения.

Бл*ть, ну что за день такой?

Смотрю на Рыжую.

Она очень красивая и сексуальная. Сегодня и вообще. У нее потрясное тело, с изгибами и всем набором. И очень чувственное. Она знает чего хочет, знает чего хочу я. Не женщина, а подарок для любого мужика. И я, без сомнения, ее захочу. Сразу, как только расхочу маленькую прилипалу, которая взбудоражила мои яйца своими румянцами и тихими вздохами. Просто интересно, что будет, если я ее поцелую? Обморок?

Все идет не очень хорошо, хотя в моих шортах стало поспокойнее, и я уже не прикрываю член рукой.

Решаю быть максимально милым, потому что у меня охренеть какой покладистый характер.

– У тебя резинки есть? – спрашиваю свою спутницу, а сам тем временем выуживаю из кармана телефон и захожу в соцсеть.

– Нет… – отвечает Света, тормозя на светофоре так, что срабатывает АБС.

Ремни не позволяют нам вылететь через лобовое стекло. Без сомнения, опять я кругом виноват.

– Тогда у аптеки тормозни, – прошу ее, быстро пролистывая заявки на добавления в друзья.

– Я на таблетках… – бросает она.

– И че? – спрашиваю на автомате, потому что нашел то, что искал.

Вот она.

Diana.

Усмехаюсь, потому что никнейм с двух сторон украшают желтые молнии.

На аватарке ОНА улыбается в подсолнухах. Решаю не проваливаться в профиль, потому что вряд ли меня там ждет что-то интересное. Девяносто процентов запросов я одобряю не глядя, но эту нахалку не одобрю. Просто сегодня у меня плохой день, и она внесла еще больший бардак в ситуацию. Отклоняю запрос и убираю телефон в карман, раздумывая о том, что я голоден. Я всегда голоден. С утра и до вечера с тех пор как родился.

– Можем без презервативов, – очень деловым тоном бросает Света.

Смотрю на ее мягкий красивый профиль в непонятках.

– Свободный секс подразумевает контрацепцию, – замечаю очевидное, цепляясь рукой за верхнюю ручку.

В жизни без резинки ни с кем не трах*лся.

Тонкие пальцы сжимают руль до побеления суставов.

Да, мать твою, что с этой женщиной сегодня не так?

– Ты еще с кем-то спишь? – сквозь зубы спрашивает она.

– Свободный секс не подразумевает таких вопросов, – отвечаю максимально осторожно, потому что чувствую – уже в первом моем ответе зашифрована какая-то часовая бомба.

Света резко поворачивает голову и смотрит на меня, как на врага.

– Думаешь, Я с кем-то еще сплю?! – заводится, прожигая дырищу в моем лбу.

Резко подаюсь вперед и выворачиваю руль, потому что она только что чуть не въехала в бордюр!

– На дорогу смотри! – гаркаю, выравнивая машину, и слежу за тем, чтобы она вернулась в реальность! – Я не должен об этом думать, в этом суть свободного секса.

– Тебе все равно? – как попало тормозя у тротуара, выдавливает она.

Смотрит на меня в упор.

Я просто хотел купить презервативы…

– Чего ты хочешь? – спрашиваю, откидываясь на сидение. – Несвободного секса? Так и скажи.

– По-твоему, дело в том, как мы его назовем?! – вдруг орет она, ударив по рулю ладонями. – Если он будет у нас несвободным, тебе перестанет быть по фиг, есть у меня другие мужики или нет?!

Смотрю на нее, как будто впервые вижу, и подтягиваюсь на сидении.

Голубые глаза блестят, губы плотно сжаты.

Мое изумление бесит ее еще сильнее.

На щеках и шее проступают красные пятна.

Я не припомню, чтобы за все годы нашего знакомства она орала до хрипоты и покрывалась красными пятнами.

Мне со Светой очень комфортно как раз потому, что она никогда не трахала мой мозг. Это привилегия моей матери. Света – личность. Успешная, циничная. Она любит жизнь, любит секс. Это как встречаться с самим собой. Полное, блин, взаимопонимание и никакой бытовухи!

Так что происходит сейчас?

– Я не понял, – говорю, развернувшись к ней всем телом. – Ты моей ревности хочешь, что ли? Я должен, бл*ть, из себя Отелло изображать?

Она смотрит перед собой.

Не моргая.

Я вижу, как дернулась ее шея, когда она сглотнула.

– Свет… – зову ее устало.

К чему весь этот балаган? Чем мы занимаемся?

– Благов… – прерывает она меня хрипло, снимая блокировку с дверей и продолжая глядеть вперед. – Уходи.

– Не страдай хер*й, – советую мрачно. Мы больше недели не виделись. Я, например, мечтаю о ее голом теле под своим телом, ледяном компрессе на колено и еде. – Поехали.

– Пошел. Вон, – чеканит она.

Даю ей с полминуты забрать свои слова назад.

Она только громче сопит.

Да, пожалуйста! На х*р все!

Выхожу из машины, хлопнув дверью, и иду к багажнику под проливным дождем. Как героиня сраной мелодрамы.

Почему всем от меня чего-то надо? Всем и каждому.

Никто не хочет спросить, чего я хочу?!

Я хочу, чтобы колено перестало ныть. Хочу, чтобы мой мозг отдохнул и переключился с баскетбола на что-нибудь другое. Хочу решить, что делать дальше. Хочу просто расслабиться, и чтобы за мной ухаживали.

Забираю свою сумку и ухожу, не оглядываясь. Слышу свист шин за спиной. Достаю телефон, чтобы вызвать такси, но вдруг решаю спуститься в метро.

Я в метро уже лет семь не был.

Через пять минут жалею, что не вызвал такси.

Слишком много людей, а я хочу побыть один.

Глава 6. Диана

– Где была? – спрашивает мама, пока собираю на кассе свои покупки, зажав трубку между плечом и ухом.

– По центру прогулялась… – говорю ей, запоздало проверяя срок годности на творожке с изюмом.

– Что-то ты грустная… – замечает она. – Домой хочешь?

Фыркаю, пытаясь развеять эти подозрения.

– Я не грустная, – заверяю ее, выходя на улицу, где меня обнимают удушливые московские сумерки.

– Не лазай одна по темноте, – напутствует она. – И набросай мне фотографий.

– Моих или Москвы? – хихикаю я.

– Твоих, нужна мне эта Москва, – вздыхает мама.

– Оки-доки… – улыбаюсь, медленно бредя по тротуару. – Пока-пока…

– Скучаю, – сообщает она.

– Целую, – нежничаю я.

Кладу трубку и тут же делаю селфи, улыбаясь как в последний раз.

Не хочу, чтобы кто-либо заподозрил меня в плохом настроении. Как только слышу «щелк», тут же возвращаю лицу привычное унылое выражение.

Осматриваюсь, балдея от загруженности восьмиполосного проспекта. Уже зажглись фонари и витрины магазинов и офисов.

Сегодня днем Катя подкинула меня до города.

Она предложила пожить в своей городской квартире несколько дней, потому что они с мужем и Глебом улетают на выходные в Испанию.

Я никогда не ночевала одна в чужих московских квартирах. Я вообще до приезда сюда не ночевала одна, хотя, с другой стороны, я наслаждаюсь свободой. Знать бы еще, что с ней делать?

Понюхивая маленький букет ландышей, двигаюсь в сторону светофора.

Ноги гудят.

Кажется, я переборщила с пешими прогулками. С учетом того, что у меня за спиной рюкзак с вещами, я могла потерять несколько килограмм, что мне совершенно ни к чему.

Влившись в поток людей, перехожу проспект и включаю навигатор в телефоне.

Дом где-то здесь, поблизости. Нахожу его спустя пятнадцать минут плутаний и даже не удивляюсь тому, что это большой новенький жилой комплекс с будкой охраны и шлагбаумом.

Во дворе со строгим соблюдением разметки припаркованы машины и даже один черный блестящий мотоцикл.

Да уж, такому автопарку действительно нужна охрана.

Много зелени и несколько детских площадок. Но этим меня не удивить. В моем родном городе зелени тоже хватает.

Здесь даже баскетбольная площадка есть…

Мои резиновые кеды зло стучат по асфальту, пока прохожу мимо нее к подъезду.

От слова "баскетбол" у меня теперь мигрень.

Гоню от себя все мысли, считая шаги.

На входе в дом автоматические двери, которые срабатывают мгновенно.

Мило.

Стараясь не глазеть, захожу внутрь.

В ярко освещенном вестибюле повсюду плиточный камень. Охранник выглядывает из-за пульта, осматривая меня с кислой миной.

Устремляюсь к зеркальным дверям лифта и морщусь от своего отражения, которое совершенно ничего не скрадывает. Косметики на лице по нулям, на голове такой себе бардак в виде съехавшего набок пучка. Белая оверсайзная футболка частично заправлена в короткие джинсовые шорты, а на белый кед мне кто-то наступил в метро.

Пахнет от меня пылью дорог и немного туалеткой. В общем-то, вид у меня как у усталого заблудшего путника, которому нужен душ или даже ванна. Или может быть джакузи? Посмотрим, что предлагают в квартирах этого элитного ЖК.

Когда двери открываются, делаю шаг вперед и тут же торможу, будто вошла в стену!

Приоткрыв рот, замираю на пороге, перестав дышать.

Уму непостижимо!

Что это за невезение?

Чувствую, как по шее ползет помидорная краснота.

Сердце подпрыгивает, и я прихожу в идиотское неконтролируемое волнение, смешанное с короткими замыканиями мозга, которые появляются с тех пор, как меня посреди ночи разбудил и напугал двухметровый наглый баскетболист…

Это просто невозможно! Мне хочется цокнуть от досады.

Облокотившись о противоположную стену просторной кабины, стоит лениво улыбающийся Егор Благов.

Здоровенный, как обычно.

В пропитанной свежайшим потом футболке без рукавов, шортах и с полотенцем на шее.

Его рельефные идеальные бицепсы сложены на груди и выставлены на всеобщее обозрение! Шорты возмутительно низко сидят на узких бедрах, длинные, сильные ноги слегка расставлены, влажные золотистые волосы всклокочены, будто он прошелся по ним пальцами.

Кабина лифта провоняла тестостероном. Я начинаю дышать чаще.

Откуда он тут взялся, черт его подери?!

Над ним, как тень, нависла длинноногая телка в полупрозрачном спортивном комплекте и французской косичкой на голове.

Они не обращают на меня никакого внимания, поглощенные изучением ее развратного бицепса, который та сует ему в лицо вместе со своими сиськами десятого размера.

– Ну, потрогай… – гортанно смеется она, сжимая свой мерзкий кулак и напрягая мышцы.

Этот гад чувственно улыбается.

Мое лицо кривит брезгливая гримаса, будто я выше всего этого, хотя истинная причина заключается в том, что меня заполняет черная обида и совершенно непозволительная ревность.

Он хоть пять минут может полежать на мясном рынке?! Или его разбирают мгновенно?!

Именно в этот момент два небесно-голубых глаза плавно перетекают на меня. Поскольку мне улыбки не положены, красивые, полные губы принимают серьезное выражение, как и точеное скуластое лицо.

Он удивлен не меньше моего, потому что я увидела, как дернулся его глаз.

Выдыхаю громко и рвано.

Сжимаю губы и задираю подбородок.

Надеюсь, он не думает, что я за ним слежу?!

Внимательный острый взгляд падает на букетик ландышей, который я прижимаю к груди, на пакет из супермаркета, который болтается на запястье, на мои ноги и в завершение возвращается к моему лицу и моей ужасной прическе.

Запрещаю сердцу выскакивать из груди.

Егор Благов впился в мои глаза своими и молчит, сведя брови.

– Едем или как? – усмехается девица, привлеченная моим ступором.

Всерьез раздумываю над этим вопросом.

Мы не виделись шесть дней.

С той самой злосчастной игры, после которой он укатил в закат со сногсшибательной рыжей Светой, оставив меня один на один с жестокой реальностью и здоровенным комом в горле.

На следующую игру я не пошла.

Я не мазохистка.

Это был первый и последний раз, когда я пыталась привлечь к себе внимание мужчины.

Он даже не одобрил мою заявку в соцсети. Видимо, мне не хватает сногсшибательности для этого. Или еще чего-то не хватает.

Хотя это и к лучшему. Не хочу смотреть фото, где он дарит Свете огромное кольцо с бриллиантом или кладет руки на ее беременный живот.

– Эй, але? – смеется брюнетка, потому что я все еще раздумываю, хмуро глядя на носки своих кед. – Нужно кнопочку нажать… Фрося, блин, Бурлакова…

Злюсь и прихожу в себя, резанув ее взглядом.

Я не грубиянка. Это не мой стиль. Я всю жизнь подрабатываю в сфере услуг. Это дисциплинирует.

Перевожу высокомерный взгляд на золотого мальчика и спрашиваю между делом, подходя к начищенным круглым кнопкам лифта:

– Тебя жена везде ищет, в курсе?

Отворачиваюсь к панели, покусывая губу. Там уже горит третий и одиннадцатый этаж. Есть еще два цокольных этажа. Там спортзал?

Он тоже живет в этом доме?

Если бы я только знала…

Егор переваривает каверзный вопрос лишь мгновение, но мне кажется вечность.

– Бывшая жена, – совершенно серьезно подыгрывает он.

Его голос вызывает мурашки на моей спине и руках.

– Я про твою вторую жену, – говорю, нажимая девятый.

– Че ж она не позвонила? – задумчиво тянет он, не теряясь ни на секунды.

– Батарейка села, – пожимаю я плечом, поворачиваясь к ним спиной. – Она же с Феденькой в больнице, у него же пупочек развязался…

Слышу шумный вдох и какой-то «кряк».

Смотрю на него укоризненно поверх плеча.

Ситуация несмешная.

Шутка ли?

Бедный Феденька…

Егор смотрит на меня в упор, откинув голову на стену и потирая рукой колючий подбородок.

Да уж. Работать гороховым шутом у меня получается куда лучше.

– Ладно, заглядывай… – усмехается девица, потому что мы на третьем и двери открываются. – Ты тоже заходи, острячка… двадцать девятая квартира, – снисходит она, тщательно изучив меня с головы до ног. – Только не раньше двенадцати.

Отхожу в сторону, чтобы пропустить девицу.

Делаю очень долгий выдох, пока двери закрываются.

Мой затылок зудит, но я не повернусь ни за что на свете.

– Не вздумай туда пойти, – вдруг летит мне в спину.

Смотрю, как одна за одной загораются кнопки на панели.

– Как-нибудь сама разберусь, – бросаю, прикрыв глаза.

Хочу сбежать.

Как только двери открываются, срываюсь с места, но Егор дергает меня за рюкзак и разворачивает к себе!

Возмущенно взвизгиваю, ударившись о твердое большое тело. Нос тут же учуял его запах, а ладонь легла ему на грудь.

Мое запястье и моя ладонь на фоне его бицепса кажутся прозрачными.

Смотрю в шоке вниз, туда, где мое бедро чуть-чуть прижалось к его паху.

Потом смотрю вверх…

На сильную шею и ямочку у ее основания. На четко очерченный подбородок, который украшает светлая щетина. На его губы…

– Ты слышала меня? – грозно требует он, наклонив ко мне голову.

– Не глухая… – сипловато брыкаюсь я, часто и коротко дыша.

Не могу отвести глаз от его глаз.

Сглотнув, растопыриваю пальцы на плоской грудной мышце. Мое бедро само подается вперед.

По моей собственной груди бегут мурашки и сползают прямо мне в живот.

Голубые глаза сужаются.

Взгляд блуждает по моему лицу, и он… он совершенно точно втянул в себя воздух…

Хочу провести ладонью по *его* животу… Просто почувствовать, какой он на ощупь…

Облизнув губы, отдергиваю руку.

У него есть эта Света. Он с ней… они… не хочу об этом думать, как он трогает ее… целует. Мне хочется дать ему за это пощечину, я никогда не думала, что могу быть такой ревнивицей…

– Отвали, – прошу нервно, дергая плечом.

– Зайду к тебе после двенадцати, – хрипловато выдает этот гренадер, отпуская рюкзак и возвращаясь в исходное положение. – Если тебя дома не будет, поедешь в свою Рязань ближайшим поездом, поняла?

Моему возмущению нет предела. Щеки горят. Рот открывается.

Он спокойно складывает руки на груди и кивает подбородком на выход.

– Топай, Цыпленок, – усмехается говнюк, глядя на меня исподлобья. – Прямо и налево.

Вылетаю из лифта, как ошпаренная.

Не оглядываясь и позабыв наговорить ему гадостей!

Меня раздирают демоны. Все о чем я могу думать, как хочу сделать все ему наперекор!

Но уж не сомневайтесь, я точно буду дома в двенадцать.

Сердце начинает отбивать минуты.

Глава 7. Егор

Развалившись на любимом домашнем диване, изучаю повадки болгаров, с которыми играем полуфинал в среду. Все эти повторы мы с Гибсоном уже разбирали, но я решил пройтись еще разок. У них очень мощный форвард, который с любой позиции может наложить

мячей в корзину, еще и в защите успевает. Прикрывать его буду не я, у него рост два метра, им займется Вакуленко. А я буду делать то, за что мне платят. Создавать условия и ситуации.

Усмехаюсь, закинув голову на спинку дивана, и тру лицо ладонями.

Последнюю игру я провел как пай-мальчик.

Все от облегчения чуть не обсикались, включая моего брата. Я знаю, он хотел бы на меня наехать и вправить мозги за четвертьфинал, но я просто не дал ему такой возможности. Вместо этого скрываюсь ото всех уж четыре дня. Наплел, что улетел в Питер до вторника.

На самом деле мне есть, что Паше сказать.

Я принял решение, оно далось мне нелегко. Это мой последний сезон в Клубе. Можно сказать, я его вымучиваю. Мне уже поступило предложение от клуба из первой десятки. Придется переехать, и я планирую слетать туда через пару недель.

Я редко бывал за МКАД. Переехать из Москвы для меня морально сложнее, чем переехать в другую страну. Но человеку в жизни нужно место для шага вперед или хотя бы в сторону. В моем случае это шаг назад, но я уже давно не творил всякой дичи.

У Паши случится припадок. Как и у матери. Отец будет заинтересован, а Рыжая никогда не поедет за мной в такой круиз.

Я бы знал точно, если бы брал от нее трубку, но я не беру.

После того как она выгнала меня из своей машины, я решил взять паузу. Вопреки ее мнению, у меня тоже случаются проблемы, и она знала бы об этом, если бы хоть один долбанный раз спросила, как у меня дела.

Смотрю на часы в углу экрана ноутбука.

Половина первого ночи.

Блин.

Хлопаю в ладоши, чтобы загорелся свет.

Убираю ноутбук и встаю, сделав пару прыжков вверх.

У меня же там трындюли остывают, че я сижу?

Сейчас пойду, только у третьей жены отпрошусь и детям пупки завяжу.

По роже растекается улыбка.

Почесывая бок, иду к холодильнику и достаю сок. Беру со стойки стакан, но потом решаю обойтись и глотаю прямо из упаковки.

Кажется, у меня на ближайшие три дня новая головная боль.

Откуда эта девица берется каждый раз?

В ней слишком много посылов в мою сторону, чтобы на них можно было просто забить. Каждый раз.

Волнение, возбуждение, румянец.

Потакать малявке не стоит. Просто сегодня было без вариантов. На блядских вечеринках у Марго провинциальному Цыпленку делать нечего. Еще глотнет дерьма какого-нибудь, не дай Бог. Я бы ей вообще запретил одной по городу передвигаться в этих шортах.

Необстрелянная совсем, и это плохо. Но такая, блин, деловая.

Ее не было на последней игре. Это плохо, ей же нравится. Для таких зрителей мы и играем. Не многие на игре смотрят игру. Рыжая, например, никогда не смотрит.

Возвращаю коробку на место и иду в коридор.

Обуваю кроссы на босу ногу, прихватив с тумбочки ключи от квартиры. Зайдя в лифт, тычу девятый этаж. Терпеливо жду, засунув руки в карманы шорт. Не думаю, что юная Диана меня ослушается. А если ослушается, придется на нее наехать. Эта мысль приносит внезапное предвкушение, отчего ухмыляюсь.

На двери Пашиной квартиры меня ожидает приклеенный розовыми, блять, жвачками лист А4!

Нет, там не выведенный фломастером средний палец. Там написано: «Ушла на баскетбольную площадку во дворе».

Шрифт печатный, очень крупный. Прямо на тот случай, если я вдруг олигофрен.

Срываю бумагу и сминаю в руке по дороге к лифту.

Это непослушание.

Че ты лыбишься, придурок?!

Выйдя на улицу, сворачиваю налево.

Очень теплая ночь.

В моем ЖК всегда тихо по ночам.

Прислушиваюсь к звукам ударяющегося об асфальт мяча. Переходя на легкую трусцу, огибаю стоянку. Через сетку ограждения вижу одинокий силуэт под фонарем. Захожу в клетку и кладу руки на пояс.

Она стоит на трехочковой линии, прицеливаясь к кольцу.

В тех же шортах, кедах, обтягивающей майке, с распущенными волосами.

Высокая и тоненькая, как статуэтка.

Там особо смотреть не на что. У нее все ребра на глаз можно пересчитать, но первая встреча дала полное понимание ситуации: тазовые косточки у нее забавно выпирают, а пупок – идеальный кружок. Очень милый кружок. Сиськи у нее тоже – милые, идеальные кружки. Пупок, сиськи и задница – единственные округлости во всем ее образе. У нее даже разрез глаз слегка раскосый.

Прислонившись плечом к ограде, наблюдаю за тем, как няня приседает и делает бросок. Движения плавные, а тело гибкое. Не думаю, что баскетбол – это ее спорт, несмотря на рост. Он для нее грубоват.

Мяч ударяется о щит на двадцать градусов левее, чем нужно, и возвращается к ней, отскочив от площадки.

Запихав записку в карман, медленно иду, наблюдая за приготовлениями ко второй неудачной попытке.

– Это мяч с автографом Леброна[1], – замечаю между делом.

Я его Паше привез из Америки на день рождения.

Узкие плечи напрягаются, руки замирают.

Ага, я пришел.

– Эмм…да?.. – обернувшись через плечо, восклицает сама невинность. – Не заметила…

Как же.

Я больше поверю в то, что она хладнокровно забила. Другого мяча у Паши в квартире все равно нет.

Она жадненько за мной наблюдает, хлопая распахнутыми глазами, но в ее лице слишком много опасных углов, чтобы я на это купился.

Мне вот интересно, она на всех так смотрит или только на меня?

Останавливаюсь за ее спиной, подойдя вплотную.

Серебряная макушка прямо под моим подбородком, плечи по центру моей груди. Идеальное совпадение в росте, как и в пропорциях.

Она не дышит, глядя перед собой.

Я же еще ничего не сделал.

Смотрю на белокурую макушку и спрашиваю, опустив подбородок:

– Ты правша?

Пахнет цветами.

– Да… – шепчет, затаившись.

Обнимаю ее руками и кладу ладони на мяч поверх узких девчачьих ладоней. Они полностью скрываются под ними. Миниатюрная спина прижимается к моей груди, ягодицы к моим бедрам. Прижимаюсь щекой к ее виску, немного согнувшись, и слушаю тихое прерывистое дыхание.

Проталкиваю колено между стройных длинных ног и своей стопой отвожу в сторону ее левую стопу. На тридцать сантиметров, не больше, при этом скользнув коленом по внутренней поверхности ее голого бедра.

Она громко сглатывает и часто дышит.

Улыбаюсь, вдыхая запах мягких волос.

Кокос.

– Правую на полстопы вперед, – велю хрипловато, поднимая наши руки вверх, и корректирую положение ее рук. – Держишь? – спрашиваю на всякий случай, прежде чем убрать свои руки.

– Держу… – бормочет присмиревшая Диана.

Опускаю руки и кладу ладони на ее талию со словами:

– Колени согни…

Она подчиняется, проехавшись попкой по моему бедру.

– Не так сильно… – говорю, пробираясь пальцами под край майки на гладком плоском животе.

Полуголая попка едет немного вверх. Живот под моими пальцами дергается и покрывается мурашками.

Нахожу ее пупок и слегка обвожу его указательным пальцем.

Она судорожно выдыхает, приседая на мое бедро.

Убираю ногу и делаю шаг назад, опуская руки.

– Целься в дальнюю дужку, – даю последние наставления, засовывая руку в шорты и поправляя стояк так, чтобы он не распугал всех случайных прохожих. – Подпрыгивай, но не сильно. Только чуть-чуть оторвись от земли.

После непродолжительной заминки она все же бросает по кольцу на абсолютное отъебись. Так, что мяч еле долетает до кольца и катится в сторону.

Молча смотрим, как он скачет по асфальту, нарушая окружающую тишину.

– Может… – сбивчиво брякает девчонка, поворачивая голову и поднимая на меня затуманенные глаза. – Еще раз покажешь?

А че?

Тверже я уже не стану.

Обхожу ее и иду за мячом. Он укатился к самой решетке. Подхватываю и дую назад, крутя мяч на пальце.

Новоявленная баскетболистка пялится на мои оттопыренные шорты, как под гипнозом.

Испытываю желание засунуть член в ее приоткрывшийся рот.

Может теперь она, наконец-то, испугается? И больше мы к этому возвращаться не будем?

Захожу ей за спину и принимаю уже знакомую нам позу.

Она дрожит с головы до ног.

Вручаю ей мяч со словами:

– Возьмешь или как?

Берет.

Ну ладно, засранка.

Кладу ладони ей на ребра и подтягиваю к себе. Так, чтобы ее задница врезалась в мой пах и осознала, что я с ней не собираюсь в шахматы играть.

– Продолжаем? – спрашиваю, начиная злиться, потому что завелся не на шутку.

Слишком эта задница, мать вашу, хорошо в меня вписалась, как и вся она. Слегка приседаю, потираясь о нее, и закрываю глаза.

Сейчас, блин… чуть-чуть попугаю ее и все…

Мяч падает на асфальт, а моя ученица издает тихий стон, сжимая бедра.

Опускаю руку и обхватываю ее между ног через шорты. Она начинает извиваться, вцепившись в мое запястье и двигая бедрами. У меня просто крышесносное желание засунуть руку в ее трусики и проверить, как там дела. Крепко держу ее под грудью, иначе свалится.

Вот так, блин, Красная Шапочка.

– Наигралась? – выдыхаю хрипло в покрасневшее ушко.

– Да… – пищит, доверчиво откидывая голову мне на плечо.

Провожу носом по ее шее.

Она покрылась испариной.

Кончай, Благов…

Хочу ее поцеловать, но не буду. Никаких, блять, поцелуев! Это карательная операция.

– Ну, иди тогда, – разжимаю руки, придерживая ее для надежности.

– А… на… на ночь не поцелуешь? – сипит Диана.

– Скройся с глаз… – сиплю в ответ, разворачивая ее к выходу и толкая вперед.

Делает два шага и разворачивается, нервно засунув руки в задние карманы шорт.

Адски возбужденная.

Молоденькая, возбужденная и беззащитная.

Приехали.

Иди, защити ее. Получи пизды от КАтенка, усложни все со Светой, повесь себе на шею полувлюбленную малявку накануне переезда в другой город и перегрызись со всеми окончательно. Никто же не поверит, что я в этой истории жертва.

Губы у нее дрожат как и длиннющие гладкие ноги. Она смотрит так, что мне рыкнуть хочется. Я к ней не подойду. Пусть не смотрит так.

Мать твою…

Зачем она мне? Что мне с ней делать?

Пятясь назад, она томно спрашивает, прежде чем дать по тапкам:

– Завтра на этом же месте?

Глава 8. Диана

– Точно не устала? Дышишь как астматик…

Врезаюсь локтем в ребра Егора Благова.

– Полегче! – возмущается, забрасывая свою ручищу под мой правый фланг. – Чуть не проткнула!

Ударяю пяткой по его кроссовку и делаю разворот, уводя себя и мяч к кольцу.

Он дышит мне в затылок, но я уже близко… Это лучший маневр за последний час.

Еще метр и я смогу пробить по кольцу!

– Слишком медленно, Динь-Динь… – издевается надо мной насмешливый глубокий голос.

Жесткая рука в долю секунды выбивает мяч прямо у меня из рук!

Чисто и слегка толкнув плечом в сторону.

Запыхавшись и обливаясь потом, наблюдаю за тем, как сто двадцать прекрасно скоординированных килограмм проделывают «мой» маневр. Размашисто и ловко переставляя длинные ноги и выпендрежно повиснув на кольце в финале!

– Оффигееть! – хихикают его поклонники-недомерки, хлопая в ладоши и визжа.

– Красиво!

– Еще!

– Ты видел?!

Мои губы сжимаются.

Натянув на ладонь рукав тельняшки, утираю потное лицо, кипя от злости.

По спине катится капелька пота, волосы противно прилипли к шее.

Упираюсь ладонями в колени, пытаясь отдышаться.

Звезда сегодняшнего вечера вальяжно раздает "пять" своим малолетним фанатам, выстроившимся вдоль защитной решетки.

Где их матери? Этим детям не пора, блин, домой?!

– Ну, чо? Последний разок? – снисходительно спрашивает Егор, направляясь ко мне.

Ловко и хвастливо пропускает мяч под коленями. С размахом его шагов даже я могла бы там пролезть.

Его фанаты в экстазе.

Смотрю на него свирепо.

Не хочу видеть, какой он обаятельный и притягательный в своем искреннем веселье и в своей стихии. Какие плавные, но четкие у него движения. Как потрясно в свете фонарей выглядит его громадное стройное тело, как ткань хлопковых шорт обрисовывает каменную рельефную задницу и такие же каменные бедра, как стелется открытая хитрая улыбка по его мужественному лицу с непозволительно полными для мужчины губами!

Он даже не вспотел, а я мокрая как мышь. У меня даже коленки вспотели.

Как только оказывается рядом, выпрямляюсь и выхватываю у него мяч. Отведя руки за голову, с остервенением наобум запускаю его куда подальше.

– А ты злюка, да, Цыпленок? – усмехается, даже не потрудившись проводить мяч глазами.

Просто рассматривает помятое и взлохмаченное существо перед собой, то есть меня!

– Не называй меня так, – цежу сквозь зубы и, развернувшись на пятках, ухожу домой, зло топая по асфальту.

– Как? Цыпленком? – летит мне вслед.

Говнюк, вот он кто.

Он не дал ни одного раза ударить по кольцу!

Ни одного!

Иногда делал вид, будто дает, но в последний момент все равно обламывал. Играл со мной, как с майским жуком на ниточке. На потеху своей сопливой публике.

Я думала, у нас будет романтическое свидание. Думала выманить у него один несчастный поцелуй. А он устроил какой-то балаган, а не свидание.

Слышу за своей спиной бодрые, веселые шаги и ускоряюсь.

Он пришел за мной в девять вечера. В хорошем настроении. Улыбчивый и весь такой красивый. В черных шортах и футболке. Ему идет этот цвет. Со своим мячом. *Свой* мяч я вчера бросила на произвол судьбы. Он должен вернуть его *мне*. Он же понимает, что мне нужно положить его на место, туда, откуда я его взяла – на специальный держатель в гостиной Катиной городской квартиры.

Вчера мне было не до мяча.

Вчера я пережила самые волнующие и шокирующие минуты своей жизни.

Я до утра не могла уснуть. Мне хотелось куда-то идти, а лучше бежать. Я поехала на прогулку, лишь бы весь день не просидеть в квартире.

На самом деле он меня до дрожи напугал. Впервые мужчина возбудился на меня так быстро и так откровенно нагло. У него в принципе никакого стыда нет, это было понятно еще в первую нашу встречу.

Мне хочется застонать.

Я понятия не имею, что делать, когда у мужчины в шортах вдруг возникает здоровенная эрекция. Не знаю, куда девать руки, не знаю, что говорить и как себя вести.

Он такой уверенный в себе. Такой энергичный и умный. Красивый. Его движения, его походка – все пропитано чистейшей мужественностью. Его улыбка нахальная и ленивая, взгляд пристальный и насмешливый. Он видит меня насквозь, не сомневаюсь. От этого я вся вибрирую и теряюсь, краснею и возбуждаюсь. Злюсь.

Кажется, я в жизни не чувствовала себя такой живой…

Влетаю в вестибюль и устремляюсь к лифту. В отражении зеркальных дверей вижу себя и кусаю губу.

О, кошмар…

Красные щеки, грязь на лбу, волосы как пакля.

Какая же я неженственная.

Разве какая-нибудь Света позволила бы себе такое?

Ее бы он никогда не стал гонять, как дрессированную обезьяну. Она бы и не позволила.

Натягиваю рукав на ладонь и тру лоб. На нем остается красный след. Блеск!

Егор останавливается за моей спиной и ловит мой взгляд в отражении. Его голубые глаза искрятся весельем, на губах улыбка.

Смотрю на него исподлобья.

Моя макушка прямо под его подбородком. Его плечи в два раза шире, как и кости. Он тянет руку и нажимает "вызов", коснувшись грудью моей спины.

Опускаю глаза, обняв себя руками.

Завтра Катя вернется из Испании, и меня запрут в лесу в высокой башне на неопределенный срок.

И я его больше никогда не увижу!

Даже на эту площадку мне пришлось выманивать его хитростью и изворотливостью. Как только я уеду, он думать обо мне забудет.

Двери открываются, и я захожу внутрь, глядя себе под ноги. Прислоняюсь к стене и закрываю глаза, откинув голову назад.

– У нас умер кто-то? – спрашивает Егор, входя следом.

– Нет, – отрезаю грубо, потому что зла на него.

Он мне не помогает, а ставит палки в колеса, забавляясь моей глупой увлеченностью и попытками привлечь его внимание, и сейчас у меня минута на то, чтобы придумать, как продлить этот вечер.

– Уже пятый, – замечает этот умник. – Думай скорее.

Распахиваю глаза и возмущенно смотрю на него. Он крутит мяч на пальце, с интересом наблюдая за моими муками.

Сцепив зубы, импровизирую, глядя ему в глаза.

– Ты мне ногу отдавил, – говорю высокомерно, наобум выставив вперед правую стопу. – Не могу идти.

Мой мучитель одобрительно улыбается.

Его лицо преображается до очередных плясок моего живота. Волевой подбородок становится острее, вокруг насыщенных голубых глаз вспыхивают морщинки.

Вздыхаю.

– Неплохо… – тянет, вручая мне мяч под звонкий «дзинь» лифта.

Плавно подается вперед и подхватывает меня на руки.

– Ай… – выдыхаю.

Кажется, этот маневр дался ему раз плюнуть, а ведь я совсем нелегкая.

Дурацкий мяч мешает мне во всех смыслах. Я таю, притупив взгляд и улыбаясь. Царапаю пальцами пупырчатую поверхность, утопая в блаженстве и в панике запоминая все-все ощущения. Силу его твердого тела. Его запах. Никакого парфюма. Только гель для душа. Чистый и ненавязчивый запах здорового мужчины. Мои кости в его руках не такие уж и тяжелые. Совсем не тяжелые. Разве это не идеально?

– Дальше чо? – интересуется, выходя из лифта.

– Не знаю… – говорю честно.

Поднимаю на него глаза.

Его лицо так близко.

Чувствую его дыхание.

Вижу каждую пору на его коже. Каждую золотую крапинку в голубых глазах, которые смотрят в мои.

– Попробуй нагло меня поцеловать, – предлагает он, опуская мои ноги на пол у двери.

– Поцеловать? – повторяю недоверчиво.

Прижимаюсь спиной к стене и смотрю на него снизу вверх, зажав между нами мяч.

– Угу, – просто отзывается он, замерев надо мной.

Егор кладет руки на дверь, беря меня в плен, но не касаясь.

Роняю мяч. В кончиках пальцев ощущаю покалывания, в сердце легкий приступ тахикардии, на ногах мурашки.

Поцеловать?

Это можно!

Его лицо, его губы близко, но ровно настолько, чтобы кому-то из нас пришлось проявить инициативу.

У него такие широкие плечи.

Он может смеяться, но у нас идеальная разница в росте. И в пропорциях. Мне кажется, я в его тело вписываюсь, как влитая…

– Ну, и? – ползет вверх темно-пшеничная бровь, голубые глаза обводят контур моего лица.

– А трогать можно? – спрашиваю, складывая руки по швам.

– Нельзя, – отвечает он после секундных раздумий.

Ладно.

Сделав тихий вдох, закрываю глаза и встаю на носочки. Он слегка склоняет голову навстречу. Дышу и соображаю только ощущениями. Касаюсь виском его подбородка и замираю на секунду.

Его дыхание щекочет кожу. Теплое. Спокойное.

Провожу щекой по его щеке.

Немного колючая.

Он тянет носом воздух. Тянет меня. Мой запах.

Тонкий разряд удовольствия прошивает насквозь. Даже мои пятки.

С тихим стоном скольжу губами по линии его челюсти и прижимаюсь своими губами к его губам.

Какие же мягкие…

То, что я не могу его коснуться – кажется пыткой, хоть я вряд ли решилась бы на что-то смелое.

Сжимаю пальцы в кулаки и провожу по его губам языком.

– М-м-м… – стону вслух, вздрогнув.

Он размыкает губы и гладит мой язык своим. Уверенно и твердо. Из моих глаз сыпятся искры. Егор наклоняет голову, и мы погружаемся друг в друга.

Глубоко и влажно.

Его дыхание учащается. Я вообще не дышу.

Его вкус… Ничего лишнего, только он. Его вкус потрясающий. Потрясающий, живой, настоящий.

И это я наглая? Наглее языка я не встречала, хотя опыта у меня предостаточно!

Не касаясь руками, он мнет и прихватывает мои губы, сводя меня с ума этим своим языком. По телу носятся горячие уколы. Сжимаю бедра.

Как это мучительно.

Когда он пытается отстраниться, в панике ловлю его нижнюю губу зубами.

И опять все по новой.

– Пф-ф-ф… – выдыхает Егор.

– М-м-м… – выдыхаю я.

Он толкает мою голову своей так, что она прилипает к двери.

Резко разрывает поцелуй, замерев в миллиметре от моих губ.

Облизываю их, открывая глаза. Его глаза закрыты. Он шумно дышит мне в щеку. Судорожно выдыхаю, считая удары сердца.

– Ты девственница? – спрашивает вдруг, проводя теплыми губами по моей щеке.

– Да, ну и что? – шепчу нервно и взволнованно.

Это же мелочь…

Егор глубоко и шумно вздыхает.

Отталкивается от двери и выпрямляется, глядя на меня, как никогда, серьезно. Смотрю на него напряженно.

На его виске бьется жилка. Лицо хмурое. Как он умудряется быть то шалопаем, то бизнесменом?

– Не надо в меня влюбляться, – железобетонно предупреждает Егор Благов.

– Не планировала, – обещаю тут же.

Я, кажется, уже…

– Через три месяца я уезжаю.

Куда?!

Заткнись…

– А я через два… – говорю с тревожным рывком сердца.

Что я делаю? Во что я вляпываюсь?

– Зайду через час. Оденься потеплее. Штаны, лучше всего джинсы и толстовку какую-нибудь. С рукавами.

– Ладно, – лепечу.

Наблюдаю за тем, как он наклоняется и поднимает с пола мяч. Спокойно идет к лифту, не оборачиваясь.

Стону в душе, потому что у него опять… у него опять эрекция…

Разворачиваюсь и дрожащей рукой достаю из заднего кармана ключи.

Упираюсь лбом в дверь, слушая, как закрываются двери лифта.

Глава 9. Егор

– На следующей неделе мы с отцом будем в Москве, – сообщает мать в трубку. – Было бы чудесно, если бы ты забрал нас из аэропорта.

– Легко, – отвечаю, обувая свои кеды.

– Замечательно, – итожит она. – Отец хочет посмотреть, как ты потный носишься с мячом…

Ага, спасибо, что напомнила о моем никчемном жизненном выборе.

– Милости прошу, – благодушно отзываюсь, потому что у меня сахарный характер и безукоризненные манеры.

Беру из ящика ключи от мотоцикла и достаю из шкафа кожаную куртку. Вешаю ее на одно плечо, выходя из квартиры.

– Я говорила, что дочь Полянских сейчас в Москве? – между делом интересуется она.

Дочь Полянских первоклассно работает ртом, но сейчас она мне кажется безвкусной церковной просвиркой, как и ее старшая сестра. И как дочь Савшуков, хотя та талантливее многих.

– И чо? – подхожу к лифтам. – Ее тоже нужно из аэропорта забрать?

– Красивая умная девушка, – в лоб сообщает моя собеседница.

– Ага, пальчики оближешь, – соглашаюсь, потому что тут не поспоришь.

Красивая и умная просвирка.

То ли дело рязанский Цыпленок.

Я, блин, в аффекте!

Будто солнце померкло, когда дурочка подумала, что я вот так просто отпущу ее домой. Как ее, твою мать, отпустить? В глазах искры и вызов. Если зазеваюсь, по локоть руку оттяпает.

Усмехаюсь.

В задницу безвкусные просвирки, хочу свеженькую Зефирку. У нее, конечно, язык, как помело, но меня это не напрягает. Стебать эту злюку одно удовольствие. В психах она очень занятная и изобретательная. Кроме того, мое физическое влечение очевидно, и это не удивительно. Я здоровый мужчина, а она здоровая молодая девушка, которая заводится от одного моего случайного взгляда. Я не могу не реагировать в ответ, ее влечение ко мне такое неприкрытое и откровенное. Я помню каждую деталь ее стройного юного тела, с белыми волосами, рассыпанными по плечам.

Блять.

Мне бы стоило отправить ее спать и не искать на наши задницы приключений, но даже сейчас я твердею, когда вспоминаю тихие стоны и ненасытные розовые губы.

Откуда она взялась на мою голову? У меня, и так, проблем хватает. И внутренних, и внешних. Нужно что-то решать со Светой. Хотя, что тут решать? Сейчас я не хочу Свету даже в формате свободного секса. И дело даже не в Диане. Хотя и в ней тоже. Дело в том, что я не хочу делиться с Рыжей своими проблемами. Ни с кем не хочу. Вот такая я, блять, принцесса.

Прежде чем решиться на такой отчаянный шаг, как спутаться со сладким наивным Цыпленком, нужно хорошенько все обдумать и взвесить.

Во-первых, она еще к сексу не готова. Она думает, что готова, но это не так. Сначала она должна привыкнуть ко мне, к моему телу, моим прикосновениям. К тому, что я буду трогать ее везде, буду пробовать ее везде, и мы не будем выключать при этом свет.

Во-вторых, в этой ситуации я определенно должен думать обо всем за нас двоих, а это для меня в новинку.

Зачем мне все это?

Я не знаю, понятно?

Но, она там, на два этажа ниже, ждет меня. Упрямая, как баран, но нежная. Офигительно нежная и отзывчивая.

– …вместе поужинаем… – продолжает моя мать, а я уже подхожу к двери Пашиной квартиры и звоню. – Чего бы ты хотел?

– Первое, второе и компот, – говорю ей, нажимая на звонок.

В основном я ем все, главное, чтобы побольше, но с детства ненавижу рис и рыбу. Если еще несколько исключений, которые не усложняют жизнь, но бесят моего диетолога.

Дверь открывается через тридцать секунд, и я просто изумленно качаю головой.

– Блять… – бормочу, рассматривая застывшую передо мной фигурку.

– Егор! – возмущается мама.

– Батарейка садится, – говорю ей и сбрасываю, не дожидаясь ответа. Кладу телефон в карман джинсов и спрашиваю, кладя руки на бедра. – Цыпленок, ты прикалываешься?

Недовольно и хмуро разглядываю голые длинные ноги в сандалиях и голые молочно-белые плечи, припорошенные распущенными белыми волосами. На губах красная помада, глаза подведены черным карандашом. Очень ярко и очень ей идет.

Чувствую резкий удар в паху и превращаюсь в грозовую тучу.

– Я не брала с собой джинсы, – лепечет она, прижимая к груди голубую джинсовую куртку.

На ней какое-то сраное недоразумение, под названием льняной комбинезон в красно-белую клетку. Без плеч, а шорты такие короткие, что, если она наклонится, все увидят ее тощую задницу. Может, такой эффект из-за роста, не знаю, но она же голая, на хрен!

– Куда ты вообще собиралась в этой херне пойти? – недоумеваю, глядя на бантик в центре груди, под которым дырка-вырез, и я вижу очертания ее скученных маленьких сисек в этой дырке.

Блять. Нет.

– А что такого? – возмущается Диана безмозглая, задирая свой остроконечный нос.

– Иди, переоденься, – велю, взяв себя в руки и ткнув подбородком ей за спину.

– Но у меня больше ничего нет, – возмущается.

– Что значит, нет? – закипаю я. – Ты что, собиралась так одна по городу ходить?

– Как так?! – топает она ногой.

– Голая, нет?! – не выдерживаю и толкаю ее в квартиру, с четким намерением найти ей какие-нибудь штаны!

Спустя десять минут спрашиваю, прислонившись плечом к дверному косяку спальни:

– Мне отвернуться?

Резко отбросив за спину волосы, Диана грубо отвечает:

– Все равно.

Складываю руки на груди, раз все равно.

Слава Богу, она не стала тратить наше время, а нахохлилась и пошвыряла в меня все те немногие вещи, которые взяла с собой.

Наблюдаю за ней свежим более внимательным взглядом.

Обведенные ярко-красной помадой губы сжаты, на щеках румянец.

Роется в своем рюкзаке, обиженная.

На меня не смотрит.

Сейчас я *особенно* отчетливо вижу, какая она молоденькая.

Заостренный профиль очень деликатный, как и вся она. На тыльной стороне ладоней тонкие косточки и голубые венки. Кожа прозрачная.

МЫ выбрали для нее черные велосипедки и белую футболку. Мне не нравится, что она сядет на мотоцикл с наполовину защищенными ногами, дорога полна неожиданностей.

Я буду очень осторожен. Я всегда осторожен, это первое правило мотоциклиста.

Я бы взял машину, но она осталась на стоянке спортивного комплекса. Я так и не забрал ее оттуда после ссоры со Светой.

Прежде чем сбросить с себя льняную клетчатую тряпку, Диана поворачивается ко мне спиной и бросает быстрый взгляд через плечо, желая удостовериться в том, что я здесь, и я не отвернулся.

Я здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.